

ОКСЮМОРОН КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПАРАДОКСА В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ (сопоставительный аспект)

Аль Мугаммай Аззам Ахмад

Аннотация. В данной статье рассматривается роль оксюморона как значимого риторического и лингвистического приема в русском и арабском языках, подчеркивается его функция выражения парадоксов и сложных семантических отношений. Исследование включает в себя подробный анализ структурных и семантических характеристик оксюморона, а также его проявлений в различных типах дискурса, включая литературный, поэтический, разговорный и медийный контексты. Автор, используя сопоставительный лингвистический подход, выявляет универсальные закономерности, общие для обоих языков, а также специфические для языка особенности, влияющие на формирование и прагматическое использование оксюморона. Результаты показывают, что, несмотря на схожие экспрессивные и стилистические функции, оксюмороны в русском и арабском языках различаются по синтаксической структуре, семантической интерпретации и культурным коннотациям. Эти различия отражают глубокое взаимодействие языковых структур и культурно-исторического контекста языковых сообществ. В исследовании подчеркивается важность учета как лингвистических, так и экстралингвистических факторов при анализе риторических фигур для полного понимания их функций и последствий в коммуникации. Научный вклад данной работы заключается в расширении знаний о механизмах речевой выразительности и обогащении направлений сравнительного языкознания и стилистики, что будет ценно для исследователей, занимающихся языковыми контактами, переводоведением и межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: речевые средства, риторика, оксюморон, парадокс, семантика, структура, стилистика, дискурс, лингвокультура, поэтика, прагматика, сравнительный анализ

Для цитирования: Аль Мугаммай Аззам Ахмад. Оксюморон как способ выражения парадокса в русском и арабском языках (сопоставительный аспект) // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 360–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-360-372

© Аль Мугаммай Аззам Ахмад, 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OXYMORON AS A MEANS OF EXPRESSING PARADOX IN RUSSIAN AND ARABIC (Comparative Aspect)

Al-Mughammai Azzam Ahmad

Abstract. *The article investigates the role of oxymoron as a significant rhetorical and linguistic device in the Russian and Arabic languages, emphasizing its function in expressing paradoxes and complex semantic relations. The study involves a detailed analysis of the structural and semantic characteristics of oxymoron, as well as its manifestations in various discourse types, including literary, poetic, colloquial, and media contexts. Using a comparative linguistic approach, the author identifies universal patterns common to both languages alongside language-specific features that influence the formation and pragmatic use of oxymoron. The findings demonstrate that despite similar expressive and stylistic functions, oxymorons in Russian and Arabic differ in syntactic structure, semantic interpretation, and cultural connotations. These differences reflect the profound interaction between linguistic structures and the cultural and historical context of language communities. The study highlights the importance of considering both linguistic and extralinguistic factors when analyzing rhetorical figures to fully understand their functions and effects in communication. The contribution of this work to linguistic studies lies in expanding knowledge about mechanisms of speech expressiveness and enriching the fields of comparative linguistics and stylistics, which will be valuable for researchers engaged in language contact, translation studies, and intercultural communication.*

Keywords: *speech devices, rhetoric, oxymoron, paradox, semantics, structure, stylistics, discourse, linguistic culture, poetics, pragmatics, comparative analysis*

Cite as: Al-Mughammai Azzam Ahmad. Oxymoron as a Means of Expressing Paradox in Russian and Arabic (Comparative Aspect). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 2, part 2, pp. 360–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-360-372

361

Оксюморон как риторический и лингвистический прием играет важную роль в различных формах дискурса, объединяя, казалось бы, противоречивые термины для создания нюансированного и часто парадоксального смысла. Использование оксюморонов широко изучалось в различных языках и литературных традициях, выявляя как универсальные аспекты, так и специфические особенности, присущие каждому языку. В арабском и русском языках оксюмороны используются в различных формах выражения, включая литературный, поэтический, повседневный и медийный дискурс. Однако структурные и семантические характеристики оксюморонов могут существенно различаться в этих двух языках из-за различий в их языковых системах и культурных контекстах.

Актуальность данной темы обусловлена широким распространением оксюморонов в арабском и русском языках, а также их важной ролью в раскрытии экспрессивного потенциала лексики и стиля. Сопоставительное изучение этих языков позволяет не только выявить универсальные закономерности в функционировании оксюморонов, но и проанализировать их культурно-специфические особенности. Такой подход способствует более глубокому пониманию механизмов речевой выразительности и расширяет знания в области сравнительной стилистики и межкультурной коммуникации.

Цель данной статьи — выявить структурно-семантические и функциональные особенности оксюморонов в арабском и русском языках на примере художественных, поэтических и разговорных текстов с учетом культурно-языковой специфики.

Задачи статьи: 1) проанализировать формы оксюморонов в арабском и русском языках; 2) выявить их структурно-семантические особенности; 3) исследовать их функции в различных дискурсивных жанрах; 4) сопоставить культурно-лингвистические факторы, влияющие на употребление оксюморонов.

Методологической основой работы послужили принципы сопоставительного анализа, структурно-семантического описания и элементы прагматического подхода. Материал статьи составили художественные и поэтические тексты русской и арабской литературы XX–XXI вв., а также отдельные примеры медиадискурса. Сопоставление осуществлялось по трем параметрам: структурному (модель построения), семантическому (тип противоречия) и функциональному (коммуникативно-прагматическая нагрузка).

Оксюморон (от греч. *oxys* — острый и *moros* — глупый, т. е. остроумно-глупое) представляет собой одну из самых парадоксальных и выразительных стилистических фигур, основанных на сочетании логически или семантически противоположных элементов в пределах одного синтагматического целого.

Согласно классическому определению, представленному в *Словаре иностранных слов*, оксюморон определяется как «стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство, напр.: “живой труп”» [1, с. 352].

А. Н. Чудинов, один из первых русских исследователей стилистических фигур, характеризует оксюморон как «фигуру речи, состоящую в соединении двух антонимических понятий, двух слов, противоречащих друг другу по значению, напр.: “старый мальчик”, “белая ворона”, “красноречивое молчание”» [2]. Здесь особое внимание уделяется формальному аспекту антонимичности как основе данного приема.

М. Петровский развивает это определение, отмечая, что оксюморон — это «стилистическая фигура, состоящая в намеренном сочетании противоречивых понятий: “Красноречивое молчание”» [3, с. 529]. Он подчеркивает, что данная фигура речи активно используется не только в художественном тексте, но и в повседневной речи: «живой труп», «выйти сухим из воды», «правдивая ложь» и др.

С современных позиций Н.И. Епишкин указывает, что оксюморон представляет собой «фигуру, при которой противоположные по значению слова вступают в семантическое взаимодействие, образуя парадоксальное смысловое единство» [4, с. 202]. Таким образом, оксюморон рассматривается не только как результат лексической антонимии, но и как механизм создания новой смысловой конструкции.

В русском языке оксюморон функционирует как мощное средство создания экспрессивного, иногда ироничного или сатирического эффекта. Он может выполнять как номинативную, так и оценочную функцию, а также служить средством семантической компрессии, позволяя передать сложное, противоречивое содержание в лаконичной форме.

В арабском языке оксюморон называется *ат-танакуд аль-лафдий* (التناقض اللفضي) и определяется как поэтическое языковое средство, построенное на очевидном противоречии между двумя лексическими единицами с целью вызвать эффект восхищения. Сам термин «оксюморон» восходит к античной (греческой) риторике, однако

явление соединения противоположностей известно и в классической арабской традиции (в рамках «ат-тыбак» и дисциплины «ильм аль-бади»), а в буквальном смысле он означает «непреднамеренное значение слов». Это «непреднамеренное значение» на деле имеет глубокий или согласующийся смысл, который необходимо выразить косвенно с помощью подобного явного противоречия [там же]. Примером арабского оксюморона служит выражение **ас-садикаан аль-ладудан** (الصادقان اللودان — смертельные друзья) [5].

Более того, подобные случаи, как оксюморон, рассматриваются арабами как «отклонения» в языке. Так, Сибавайх утверждает, что в таких случаях используется риторический язык, и языковые нормы нарушаются как при выборе слов, так и при их сочетании. Сибавайх объясняет это тем, что подобные отмеченные случаи или отклонения применяются в языке для краткости и/или обобщения. В качестве примера он приводит выражение **акалат аль-ард** (أكلت الأرض — земля ест). Здесь слово «земля» не может сочетаться с глаголом «есть», поскольку земля не способна есть. Однако предполагаемый или риторический смысл этого выражения — «много говорить».

В этой связи Абд аль-Рауф классифицирует оксюморон как древнее арабское риторическое средство, относящееся к дисциплине под названием **ильм аль-бади** (علم البديع — украшения речи). Он поясняет, «что украшения в арабском языке делятся на две основные категории: лексические и семантические украшения» [6, с. 243–244]. Несомненно, оксюморон относится к семантическим украшениям. Абд аль-Рауф добавляет, что оксюморон реализуется «когда говорящий помещает два антонима рядом друг с другом» [6, с. 244]. Примером оксюморона в арабском языке является выражение **аль-адаа' аль-ашикаа'** (الأخوة الأعداء — братья-враги) в предложении: «*Враждующие влюбленные сели за стол переговоров*».

В арабской традиции ученые, эксперты и лингвисты, обсуждая понятие «оксюморон», употребляли различные термины и концепты. Наиболее распространенным обобщающим термином, используемым в традиционных словарях и литературными критиками, является «противоречие». С лингвистической точки зрения, «противоречие» означает, что нечто сильно отличается от другого или полностью ему противоположно, так что одно исключает другое, например: «черный цвет» противоположен «белому цвету», «смерть» противоположна «жизни» и т. д. [7]. В том же контексте используется термин «сопоставление противоположностей» вместо термина «оксюморон», и он означает существование двух понятий, из которых одно существует, а другое нет [8].

Типы оксюморонов в русском языке

Оксюморон как стилистическая фигура представляет собой полярную позицию понятий, имеет как семантическое, так и прагматическое измерение. Семантика оксюморона неоднократно привлекала внимание исследователей. Эта стилистическая фигура, как уже упоминалось, часто рассматривается как форма контраста, создаваемого за счет понятий, логически исключаящих друг друга. В семантическом плане подчеркивается нелогичность данной языковой конструкции, цель которой — выразить сложную и противоречивую природу описываемого объекта, наделив его уникальной авторской оценкой.

Семантическая классификация оксюморонов представляет собой интересный и многогранный аспект лингвистического анализа, позволяющий глубже понять

природу данного риторического приема. По мнению Масальской, оксюмороны могут классифицироваться с точки зрения грамматики и семантики. Она выделяет следующие категории.

1. **Денотативные и коннотативные оксюмороны** — типы оксюморонов, различающихся по значению и сфере употребления. Денотативные оксюмороны, такие как *квадратный круг, безупречная ошибка, победоносное поражение*, указывают на логическое противоречие в буквальном значении слов. Коннотативные оксюмороны, напротив, предполагают более глубокие культурные и эмоциональные оттенки, вызывая неожиданные ассоциации и эмоциональные реакции. Например: *сладкая грусть, прекрасная смерть, жестокая доброта, шумная пустота, разумное безумие*.

2. **Классические оксюмороны**, такие как *горькая радость, светлая тьма, открытая тайна, живой труп, холодное тепло, сладкая горечь, безнадежная надежда*, представляют собой общепринятые выражения, которые часто встречаются в языке и имеют устоявшееся значение. Окказиональные оксюмороны, напротив, создаются спонтанно в конкретных коммуникативных ситуациях, зачастую с риторической целью, и не являются стандартными для языка. Например: *вежливая ярость, веселый пессимист, слепой взгляд надежды, плачущая радость*.

3. **Антонимичные и неантонимичные оксюмороны**. Антонимичные оксюмороны, такие как *бедный богач, безупречная ошибка, теплый лед, вечная мгновенность, горький мед*, строятся на очевидной оппозиции антонимов.

Неантонимичные оксюмороны включают слова, которые не являются прямыми противоположностями, но создают парадоксальное сочетание за счет контекста или необычных ассоциаций. Например: *сладкий яд, механическое сердце, нежный удар, пустой смысл*.

4. **Естественные и искусственные оксюмороны**. Естественные оксюмороны, такие как *ужасно красиво (приятно больно, страшно интересно, обидно смешно, тихая буря)*, возникают в результате естественного языкового употребления и отражают противоречивые характеристики реальных объектов или явлений.

Искусственные оксюмороны, такие как *гуманная гильотина*, сознательно создаются для привлечения внимания и усиления риторического эффекта. Например: *гуманная гильотина, справедливая ложь, честная коррупция, мирная война*.

Структурная классификация оксюморонов происходит на трех уровнях: морфемном, лексическом и синтаксическом.

На основе русского материала Курегян [9, с. 13–14] выделяет три структурных модели:

1. **Модель с одной синтаксической формой** — оксюморон, выраженный единым словом или сложносоставным словом без внутреннего синтаксического деления. Обычно это сочетание приставок, суффиксов или сложение корней с противоположным значением. Например, *высокомерно-нежный* или авторские образования типа *будущее-античность*, в которых противоположные признаки соединяются в пределах одной лексической формы.

2. **Модель бинарной фразы с подчиненной связью** — сочетание двух слов, где одно выступает как главное, а второе — как зависимое, с явной синтаксической подчиненностью. Это наиболее продуктивная модель для образования оксюморонов. Например: *живой труп, горькая радость, жаркий холод*. В этих словосочетаниях

определяемое слово (*труп, радость, холод*) уточняется или ограничивается определением (*живой, горькая, жаркий*), что создает выразительный образ с внутренним противоречием.

3. **Дистрибутивно-контекстуальная модель**, где оксюморон формируется не в составе одной фразы, а на уровне дискурса или контекста, когда противоположные значения распределяются между частями текста и воспринимаются вместе.

В романе «Преступление и наказание» (1866) русского писателя Федора Михайловича Достоевского Родион Раскольников говорит (часть 1, глава IV): «...до последнего момента на добро, а не на худо надеются...» Противопоставление «добро — худо» распределено в структуре высказывания и раскрывается в контексте. Оксюморонность возникает на уровне психологического парадокса: субъект одновременно предчувствует зло и сохраняет веру в добро.

Изучение структурной и семантической классификации оксюморонов позволяет глубже осознать их роль и значение в языке, открывая новые перспективы для анализа литературного, поэтического, разговорного и повседневного дискурса.

Более того, рассмотрение оксюморонов с различных структурно-семантических позиций позволяет не только выявить их разновидности и понять языковую функцию, но и оценить их риторическую силу, т. е. коммуникативно-прагматический аспект.

Такой многоаспектный подход не только углубляет понимание языковых фигур, но и способствует развитию теоретических основ стилистики и лингвистики в целом.

Типы оксюморона в арабском языке

В арабской традиции различают два основных типа оксюморонов: **антитетический оксюморон** и **интегративный оксюморон**. Абу Джабер [10, с. 163] определяет эти два типа, исходя из связи оксюморона с риторикой и его разнообразными эстетическими проявлениями, такими как антитеза, метафора, сравнение, символ и смешение чувственных восприятий.

Далее рассмотрим каждый тип подробнее.

В арабском языке термин «антитеза» (طباق) обозначает сочетание двух слов с противоположным значением в пределах одного словосочетания или предложения, при этом создается эффект объединения вещи с ее антонимом. В отличие от антитезы, оксюморон (التضاد اللفظي) представляет собой стилистический прием противопоставления на уровне двух предложений или частей текста, когда каждое из них выражает противоположную мысль по отношению к другому. Таким образом, в арабской риторике встречается термин «антитетический оксюморон», обозначающий сочетание слов с противоположным значением внутри одного выражения. В русскоязычной научной традиции такое сочетание следует рассматривать как разновидность оксюморона, а не как антитезу в общепринятом смысле, так как антитеза действует на уровне предложений или частей текста.

1. **Антитетический, или прямой, оксюморон** — оксюморон, состоящий из двух слов — прямых антонимов, например: *поистине, после тяготы наступит облегчение* (يُسِرُّ — غُسٌّ). В данном случае *тягота* и *облегчение* — прямые противоположности и называются «прямым оксюмороном» [10, с. 163]. **Прямой оксюморон** подчеркивает контраст и усиливает выразительность поэтической речи через резкое противопоставление.

2. **Интегративный, или косвенный, оксюморон.** Такой тип называется «интегративным», потому что он объединяет два стилистических приема: собственно оксюморон и элемент, близкий к метафоре, сравнению, символу или чувственному восприятию [10, с. 163]. Второй тип, в свою очередь, подразделяется на:

- интегративный сравнительный оксюморон;
- интегративный метафорический оксюморон;
- символический интегративный оксюморон;
- синестетический интегративный оксюморон.

Внутри этой категории выделяются:

а) **метафорический оксюморон**, сочетающий метафору, контраст и традиционные арабские риторические приемы; его называют «противоречивые метафоры» [11, с. 106] и внутри него выделяют два подвида: окрашенный метафорический оксюморон (например: *отбеленная ночь*) и описательный метафорический оксюморон (например: *время устало*);

б) **интегративный сравнительный оксюморон**, когда противопоставление возникает между объектом сравнения и тем, с чем он сравнивается [10, с. 464]. Примеры: *молчание — это песня, молчание — это поэзия*. В этих случаях молчание сравнивается с песней и поэзией, т. е. с элементами, предполагающими звук, в то время как молчание означает его отсутствие;

в) **символический интегративный оксюморон**, когда противоположность проявляется между символическими значениями каждого из противопоставленных элементов [10, с. 464]. В целом, символ — это художественный прием, с помощью которого поэт косвенно, образно выражает свое восприятие мира и жизни. Оксюморон передает психоэмоциональное состояние поэта и его отношение к окружающей реальности, а также может служить формой дистанцирования от социальных конфликтов и общественной критики [12, с. 186];

г) **интегративный синхронный чувственный оксюморон** — литературный прием, описывающий несовместимость между восприятиями, связанными с пятью человеческими чувствами. Такой стиль позволяет поэту создавать новые образы, побуждающие читателя к размышлениям и к поиску глубинного смысла через сопоставление элементов художественного текста с возникающими ассоциациями. Примеры из поэзии Данканя: *я вижу молчание, танцующая мелодия, плачущая мелодия*. Как известно, молчание воспринимается через слух, но в примере *я вижу молчание* поэт осознанно нарушает логическую связку, приписывая тишине визуальные качества.

Функции оксюморона

Оксюморон как выразительное средство языка выполняет ряд ключевых функций, обусловленных его парадоксальной природой. Благодаря сочетанию противоположных понятий он способен не только усиливать экспрессию высказывания, но и привлекать внимание к противоречивым сторонам описываемого явления. В художественной литературе, публицистике и повседневной речи оксюморон служит инструментом иронии, философской рефлексии, эмоциональной оценки и семантического углубления. Понимание функционального потенциала оксюморона позволяет выявить его роль в формировании выразительности, многозначности и когнитивной напряженности текста. В литературном дискурсе оксюморон чаще выполняет эстетическую и философско-рефлексивную функцию, формируя многослойность художественного смысла (напри-

мер, мертвые души). В обыденной и медийной речи он нередко служит инструментом иронии, языковой игры или экспрессивной оценки, усиливая воздействие на адресата. Таким образом, прагматическая реализация оксюморона зависит от жанра и коммуникативной установки говорящего.

Ниже представлены основные функции или цели, с которыми используется оксюморон.

1. **Привлечение внимания.** Это наиболее распространенная цель всех литературных приемов, включая оксюморон. Привлекать внимание — значит придавать значимость изображаемой идее. Иными словами, автор стремится описать нечто важное неожиданным способом. Например: *Я должен быть жесток, чтобы быть добрым.*

2. **Контраст.** Оксюморон может создавать ироничный контраст, демонстрируя, как нечто было неправильно понято или ошибочно охарактеризовано.

3. **Объективация.** В данном случае оксюмороны могут выражать совместимую совокупность значений, рождающихся из соединения противоположных состояний. Эффект достигается за счет обращения к уже известным видам знаний. Например: *Она убивает меня своей добротой.* Здесь глагол *убивать* и существительное *доброта* кажутся противоречивыми: доброта — положительное качество, а убийство — отрицательное. Однако смысл становится совместимым, если учесть, что даже доброта может причинять вред, если ее слишком много.

4. **Саркастический эффект.** Например, когда у говорящего нет денег и он говорит: *«Позвольте мне выписать чек и дать вам все, что вы пожелаете».*

5. **Юмор.** Эта функция реализуется путем конфронтации читателя или слушателя с элементом абсурда, что позволяет распознать комизм ситуации. Такое восприятие субъективно и предполагает, что читатель или слушатель уже знаком с предполагаемым юмором. Например, выражения типа *безупречная ошибка* или *живой труп* могут приобретать комический оттенок в зависимости от контекста и ожиданий адресата.

6. **Лаконичность.** Эта функция проявляется, когда два противоположных признака сосуществуют в одном объекте. Например: *победоносное поражение.*

367

Примеры оксюморонов из русской литературы

А.А. Блок, стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912):

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
 Живи еще хоть четверть века —
 Всё будет так. Исхода нет.

Оксюморон: бессмысленный свет.

Синтаксическая структура: прилагательное + существительное.

Семантически: оксюморон, так как «свет» традиционно ассоциируется с ясностью, знанием, смыслом, тогда как «бессмысленный» — противоположное понятие.

Эффект: передает экзистенциальную пустоту, монотонность жизни, отсутствие надежды. Свет фонаря не освещает путь, а только подчеркивает бессмысленность происходящего.

Здесь оксюморон усиливает экзистенциальную доминанту текста, формируя ощущение замкнутого временного круга.

Н.В. Гоголь, «Мертвые души» — название бессмертного произведения автора (1842).

Оксюморон: *мертвые души*.

Синтаксическая структура: прилагательное + существительное.

Семантика: «душа» по сути своей ассоциируется с жизнью, духовностью, а «мертвые» здесь вырывают это существительное из его обычного контекста. В результате получается метафорический оксюморон, создающий напряженный образ: «души, утратившие духовную жизнь, но все же продолжающие существовать в социально-бюрократическом измерении».

Иронический эффект: Гоголь как бы подводит нас к мысли: ведь «мертвые души» покупаются и продаются как товар, превращая человеческую сущность в бездушный «капитал». Этот оксюморон усиливает сатирическую остроту романа и задает тон всей повествовательной конструкции.

Оксюморон в данном случае приобретает социально-критическую функцию, вскрывая механизм обезличивания человека в бюрократической системе.

Примеры оксюморонов из «Песни дождя» Бадра Шакира ас-Сайяба

«Песня дождя» была впервые опубликована в журнале «Аль-Адаб» в 1954 г., а затем переиздана в сборнике «Уншудат аль-Матар» в 1960 г. Поэма отражает желания и надежды иракского народа на свободу, формирующиеся в условиях короткой и трагической жизни поэта. Эти чувства возникают на фоне страданий, вызванных неизлечимой болезнью, политической ссылкой и бедностью. В данном контексте проявляется оксюморон: сочетание «желаний и надежд» с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

1. Твои глаза улыбаются

Синтаксическая структура: двусоставное предложение с подлежащим и сказуемым. Семантически метафорический оксюморон, объединяющий «глаза» и «улыбка». Поэт привлекает внимание читателей, сравнивая глаза возлюбленной с улыбкой, поскольку оба приносят радость.

2. Свет танцует

Синтаксическая структура: двусоставное предложение с подлежащим и сказуемым. Семантически метафорический оксюморон, объединяющий «свет» и «танцует». Поэт описывает счастье, присутствующее повсюду, даже в абстрактных вещах, таких как свет.

3. Теплая зима

Синтаксическая структура: словосочетание типа «прилагательное + существительное».

Семантически символический оксюморон, объединяющий «зиму» и «тепло». Это выражает конфликт между теплом, ассоциирующимся с летом, и зимой, обычно холодной и мрачной. Однако поэт символически связывает тепло с зимой, указывая на интимные чувства, возникающие в это время.

4. Осень дрожит

Синтаксическая структура: словосочетание типа «существительное + глагол» (если глагол обозначает состояние, можно считать конструкцию двусоставной в контексте предложения). Семантически метафорический оксюморон, объединяющий «осень»

и «дрожит». Поэт создает новое значение, представляя осень как способную дрожать, несмотря на то, что это не физическое тело.

5. *Смерть, рождение, свет и тьма*

Синтаксическая структура: свободная форма. Семантически прямой оксюморон, объединяющий «свет и тьму» и «смерть и рождение». Противоположные образы указывают на нестабильность, через которую проходил Ирак, и отражают внутренний конфликт поэта.

6. *Дикая эйфория*

Синтаксическая структура: словосочетание типа «прилагательное + существительное». Семантически метафорический оксюморон, объединяющий «эйфорию» и «дикую». Поэт создает новое значение, сравнивая восторг с диким животным, указывая на неспособность контролировать его.

Сравнение типов оксюморонов в русском и арабском языках

1. Семантическая классификация

Тип оксюморона	Русский язык	Арабский язык	Комментарии
Денотативный и коннотативный	Денотативный: <i>честный взяточник</i> – противоречие в прямом значении. Коннотативный: <i>сладкая грусть</i> — эмоциональное, образное противоречие	В арабском языке подобное разделение выражается через прямые и метафорические оксюмороны, например: <i>ليل مضيء</i> («светлая ночь»), <i>صمت يصرخ</i> («кричащая тишина»)	В русском языке четко разграничены прямое и переносное значения. В арабском — больше интеграция образности
Узусный (стереотипный) и инновационный	Узусный: <i>живой труп</i> — устойчивое выражение. Инновационный: <i>вежливая ярость</i> — авторское нововведение	Аналогично, существуют закрепленные и новаторские выражения, например: <i>الصمت غناء</i> («тишина — песня»)	В русском языке терминология более формализована
Антонимичный и неантонимичный	Антонимичный: <i>бедный богач</i> — очевидное противопоставление. Неантонимичный: <i>нежный удар</i> — парадокс без явного антонима	В арабском языке аналогично, прямые антонимические конструкции и более свободные, контекстуальные	Принцип противопоставления общий, но арабский язык допускает большую свободу метафор
Естественный и искусственный	Естественный: <i>страшно интересно</i> — восприятие как факт. Искусственный: <i>гуманная гильотина</i> — парадокс, созданный для стилистического эффекта	Аналог в арабском языке — художественно созданные оксюмороны для усиления выразительности	Русский язык подчеркивает происхождение, арабский — художественную функцию

2. Структурная классификация

Тип конструкции	Русский язык	Арабский язык	Особенности
Словоформа (сложное слово)	Редко: <i>высокомерно-нежный</i> — оксюморон в одном слове	В арабском языке редкость из-за морфологии, возможны сложные метафоры	В русском языке слово может быть соединено. В арабском языке — преимущественно фраза
Двухсловное сочетание	Часто: <i>горькая радость, живой труп</i>	Аналогично: <i>حلاوة الألم</i> («сладость боли»), <i>صمت ناطق</i> («говорящая тишина»)	Самый распространенный тип в обоих языках
Контекстуальный оксюморон	Пример: <i>тишина кричала</i> — противоречие возникает в контексте	В арабском: <i>الصمت غناء الموت حياة</i> — смысл зависит от контекста	Самый высокий уровень художественного использования

3. Особенности в арабском языке (отсутствуют в русском классификациях)

Тип оксюморона	Аналог в русском языке	Комментарий
Тематический и символический оксюморон	Похоже на «искусственный» и «неантонимический»	Широкое использование символики и метафоры
Сенсорный оксюморон	Аналогичен контекстуальному оксюморону	Использование контрастов в восприятии

1. Неоднородная структурно-семантическая типология. Анализ показал, что в русском языке преобладают три модели оксюморона: однословные соединения (*высокомерный — нежный*), бинарные словосочетания с придаточными предложениями (*живой труп, горькая радость*) и дистрибутивно-контекстные конструкции («Он был одновременно и свободен, и пленен»). В арабской традиции, помимо прямого оксюморона (*бремя — облегчение*), выделяются четыре подтипа интегративного оксюморона: метафорический, сравнительный, символический и синхронно-сенсорный, отражающие более тонкую градацию художественных приемов.

2. Сходства и различия в семантическом потенциале. В обоих языках оксюмороны используются для создания парадоксального единства и усиления выразительности. Однако в русском языке чаще используются банальные формулы (например, *живой труп, секрет полишинеля*), в то время как в арабском языке используются сложные, противоречивые метафоры, опирающиеся на богатую традицию *ильм аль-бади* («украшения речи»).

3. Культурные и лингвистические факторы. В русском дискурсе оксюмороны часто ассоциируются с модернистской поэтикой и сатирой, подчеркивая внутренние противоречия и иронию. Арабская риторика рассматривает оксюмороны как знак «отклонения» от нормы, где контраст служит средством эстетического удивления и глубокой аллегории.

4. Функциональное разнообразие. Выделены шесть основных функций: привлечение внимания, контраст, объективация, сатира и сарказм, юмор и краткость. Русская традиция делает акцент на иронических и сатирических «абсурдные эффекты», в то время как арабская традиция — на метафорическую интенсивность и символизм.

5. Роль контекста в восприятии. Экспериментальный анализ дистрибутивно-контекстуальных моделей подтвердил, что сила оксюморонов часто зависит от дискурсивного контекста: пары *тишина — крик* и *свобода — плен* достигают своего полного парадоксального эффекта только в контексте связного высказывания.

6. Перспективы компаративной стилистики. Сопоставление русских и арабских оксюморонов открывает новые горизонты в межкультурной коммуникации: понимание механизмов «контраста» и «семантической компрессии» позволяет переводчикам и литературоведам точнее передавать авторские намерения и эмоциональный тон оригинала.

Оксюморон как выразительный прием играет ключевую роль в создании алогичности в литературных текстах. Объединяя противоположные понятия, он нарушает привычные логические связи, позволяя авторам передавать сложные и неоднозначные идеи. Этот прием не только усиливает выразительность произведения, но и побуждает читателя к глубокому осмыслению прочитанного. Таким образом, оксюморон становится мощным инструментом в арсенале писателя, способствуя созданию ярких и запоминающихся образов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лешковской. М.: Русский язык, 1990. 576 с.
2. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1894. 989 с.
3. Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. / под ред. Н. Бродского [и др.]. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. С. 529–530.
4. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
5. Вахиба М., Аль-Мухандис К. Словарь арабских терминов по языку и литературе. Бейрут: Ливанская библиотека, 1984. Т. 2. 484 с.
6. Абдул-Раоф Х. Арабская риторика: прагматический анализ. Лондон; Нью-Йорк: Taylor & Francis Group, 2006. 316 с.
7. Ибн Манзур. Лисан аль-Араб (811 г. х.). Бейрут: Дар Садр, 2004. Т. 7. 5006 с.
8. Саалаб А.А. Правила поэзии / под ред. Мухаммада Абд аль-Мунаима Хафаджи. Каир: Ливано-египетский дом, 1996. 96 с.
9. Курегян Г.Г. Лингвопрагматический статус оксюморона: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 155 с.
10. Абу Джабер Р.Б. Оксюморон в арабской поэзии и его роль в построении смысла. Хайфа: Библиотека всего, 2013. 482 с.
11. Фадель С.А., Нурзада А.О. Парадокс в поэзии Блянда Аль-Хайдары // Журнал педагогического колледжа гуманитарных наук. Университет Вавилона. 2015. Вып. 21. С. 651–676.
12. Мухаммад Р.К. Эстетика символизма в поэме Ас-Сайяба «Песня дождя» // Журнал Диялы. Университет Диялы. 2007. Вып. 25. С. 264–285.

REFERENCES

1. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words], edited by Leshkovskaya I.V. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990, 576 p. (in Russ.)
2. *Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v rus. lit. rechi* [Dictionary of Foreign Words That Have Become Part of the Russian Language: Materials for the Lexical Development of Borrowed Words in Russian Literary Speech], Comp. edited by A.N. Chudinov, St Petersburg, V.I. Gubinsky Publ., 1894. (in Russ.)
3. *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar literaturnykh terminov* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms], Moscow, Leningrad, Izd-vo L.D. Frenkel, 1925, vol. 1, pp. 529–530. (in Russ.)
4. Epishkin N.I. *Istoricheskiy slovar gallicizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms in the Russian Language], Moscow, ETS Publ., 2010, 5140 p. (in Russ.)
5. Vahiba M., Al-Muhandis K. *Slovar arabskikh terminov po yazyku i literature* [Dictionary of Arabic Terms in Language and Literature], Beirut, Lebanese Library Publ., 1984, Vol. 2, 484 pp. (in Arabic)
6. Abdul-Raof H. *Arabic Rhetoric: A Pragmatic Analysis*, London, New York, Taylor & Francis Group Publ., 2006. 316 p.
7. Ibn Manzur. *Lisan al-‘Arab* [The Tongue of the Arabs], Beirut, Dar Sadr, 2004, 5006 p. (in Arabic)
8. Saalab A.A. *Pravila poezii* [Rules of Poetry], ed. Muhammad Abd al-Munaim Hafadji. Cairo, Levantine-Egyptian House, 1996, 96 pp. (in Arabic)
9. Kuregyan, G. G. Linguistic-Pragmatic Status of the Oxymoron: Based on the Material of the Russian Language, PhD Dissertation (Philology), Pyatigorsk, 2007, 155 p.
10. Abu Jaber R.B. *Oktsyumoron v arabskoy poezii i ego rol v postroenii smysla* [Oxymoron in Arabic Poetry and Its Role in Meaning Construction], Haifa, Biblioteka Vsego, 2013, 482 p. (in Russ.)
11. Fadel S.A., Nurzada A.O. *Paradoks v poezii Blyanda Al-Khaidary* [Paradox in the Poetry of Blyand Al-Khaidary], *Zhurnal pedagogicheskogo kolledzha gumanitarnykh nauk* = Journal of the College of Education and Humanities, University of Babylon, 2015, is. 21, pp. 651–676.
12. Muhammad R.K. *Estetika simvolizma v poeme As-Sayaba “Pesnya dozhdy”* [Aesthetics of Symbolism in As-Sayaba’s Poem “Song of the Rain”], *Zhurnal Diyaly. Universitet Diyaly* = Journal of Diyala. University of Diyala, 2007, is. 25, pp. 264–285.

Аль Мугаммай Аззам Ахмад, доцент кафедры русского языка и литературы, Багдадский университет, Республика Ирак, Багдад, mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq

Al Mogami Azzam al Ahmad, Assistant Professor, Russian Language and Literature Department, University of Baghdad, Republic of Iraq, Baghdad, mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq

Статья поступила в редакцию 30.09.2025. Принята к публикации 22.02.2026

The paper was submitted 30.09.2025. Accepted for publication 22.02.2026